

Александр Хинт

Из цикла «ПСЫ ВОЙНЫ»

Сараево

Все начиналось из-за принципа,
не по какой-то там причине.
Так в облака уходит изморозь
от разрывающейся шины,
и раздевается сомнение
в кабине тесной сумасбродства.
На камни мать роняет гения.
Дворы расхлебывают пение,
не отличая от уродства.

И просыпается рептилия,
вмиг разнесенная ударом.
И запускает каудильо
в луну – настенным канделябром.

Срезая мир клешнями живности,
прибой опаздывал на восемь,
непотопляемой флотилии
отполоскать обломки сосен.
И капеллан молчал у клироса.
Клаксон проваливался в «шимми».
Подросток говорил «единственно
чего не жалко, – этой жизни».

Мешал латиницу с кириллицей
бедлам газетного пошиба.

«Мы умираем по традиции».
Так отвечал поручик Лиговцев.
Все начиналось из-за принципа
и до сих пор не завершилось

Плато Мон-Сен-Жан

Вот немец, а вот англичанин.
Протез до колена истерт.
Кто здесь за все отвечает?
Камброн отвечает: «Merde!»

Противник сегодня радует.
В слякоти императорский герб.
Лошадь разорвана надвое.
Камброн отвечает: «Merde!»

Подпирают оружие плечами,
если вдоль расколот лафет.
Застыв на границе молчаний,
Камброн отвечает: «Merde!»

Ураган измеряй кораблями,
что пошли косякам на десерт.
Что топит и что вдохновляет?
Камброн отвечает: «Merde!»

А пока, посреди крови-копоты
понимая, что в этой игре
зима заморозила покер,
Камброн готовит каре.

Под балаклавой

У Реглана сегодня с утра не тот Кардиган.
На плече Кардигана реглан, изорванный в клочья.
Вирази валькирий, Империя, общий план –
черный день темнее астрономической ночи,

потому что солдаты в окопе не ищут злата,
и свет ни к чему, если смерть поминает солдата,
накрывая квадрат, забывая бинокли глиной,
набухая поверх повязки под левой штаниной.

На щеке Дориана Грея, под балаклавой,
по морщине холста стекает капелька пота.
В этом доме не старится лишь групповое фото –
где атака легкой кавалерии под Балаклавой.

Из германского: Локи

В полях ледяной Милки Вей возвышается стогом,
поет, и на Марсе, конечно же, будут сады.
Он шел, чтобы высмеять лед и железную догму,
уходят – остаться, приходят – рассеяться в дым.

Он видел, пока полнолуние озвучено псами,
садиться в любые сани приходится на ходу.
Где сыплется манна, пора забывать еду.
Когда отопрут сим-симы, не лошадь осле(й)пнет, а всадник.

Но шурился Фенрир, сшибая комету хвостом:
один репетировал селфи-распятие на баобабе...
Живешь с людьми – непременно воешь по-бабьи,
и чаще осколки песен летят на восток,

живешь и живешь, и созвездий уже немного,
и реки малы для синдрома персидской княжны.

На этой скале он сорвал двадцать первый ноготь –
ему еще строить корабль, и ногти будут нужны.

*

Дачу разбудит рычание «фердинанда»:
чуть рассвело – сосед вынимает ковши.
Что-то приснилось... Груши звящего сада.
Жуков говорит: «Войди». Домработница вносит кувшин.

Надо в углу кабинета замазать плесень,
а экскаватор сегодня рыдает на бис.
Что-то приснилось... Жуков слушает «Битлз»,
Маша опять за стеной завела эту песню.

Муха ползет по стеклу, как строка мемуаров.
Солнце все выше, бессменное солнце земли.
Что-то приснилось... Зима, медсанбат, гитара.
Немец в теплице выращивает костыли.

Жизнь – недалекий заплыв от победы до смерти,
мясо на вертеле или картошка в золе,
сорок четыре орудия на километре,
танки в резерве, люди уже в земле,

люди доставлены, вкопаны, врыты как надо.
Сосед строит нечто, подобное блиндажу.
Жуков сверяет статистику по Сталинграду,
а эм зе валрус, думает, гу-гу гу-дзуб

*

Это не перемирие, просто затишье на час.
Он отправился в Сирию, а сначала хотел на Донбасс,
потому что пора бы на что-то достроить дом.
Ничего не получится отложить на потом.

На войне ничего нет вернее, чем пара гранат.
На земле ничего – только перечень координат
и работа по точкам, железобетонная каша.
Потому что должны где-то жить и Кирюша, и Даша.

Где-то есть, говорят, для солдата просторный дом...
Ничего не получится отложить на потом,
на янтарную ночь, черный день, фиолетовый час.
Он отправился в Сирию, а сначала хотел на Донбасс

*

Это купальный халат.
Это школьная парта героя.
Это его завещание в микрофон:
«То, что ты покоришь, станет в итоге тобою,
до сотворения жатвы сам превратишься в него».

Марсово поле пройти – не найти прежней жизни на Марсе.
Знаешь, его еще надо пройти, уточняет костыль.
– Ты, дорогой, разорил семь столетий тому мое царство?
Ладно, забавно. Суп, между прочим, остыл.

Так остывают руины в классическом мифе,
сдачу берешь, а щека на монете – твоя.
Лже-Олоферн покупает кухонный набор лже-Юдифи.
Крыша на кухне течет.
Лыжи у печки стоят.

